

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОД

В статье рассматриваются проблемы перевода метаязыковых высказываний, представляющих собой вкрапления в художественный текст. Являясь элементом прагматической организации текста, метаязыковые высказывания ставят перед переводчиком сложную задачу, через решение которой преломляются многие вопросы современной лингвистики текста и теории перевода. Исследование выполнено на материале переводов художественных произведений современных французских авторов на русский язык.

Интерес к установлению функций языка красной нитью прошел через всю лингвистику XX века (см. работы Пражского лингвистического кружка (1929), К. Bühler (1934), А. Martinet (1963), Р. Якобсона (1963), А.А. Леонтьева (1969), М.А.К. Halliday (1970), Ю.С. Степанова (1973), Brown и Yule (1983) и др.). Понимая под языковыми функциями различные проявления языка как функциональной системы, лингвисты пытаются составить полный перечень этих проявлений – от функций, присутствующих в любой ситуации общения, до факультативных, возникающих в особых ситуациях. Так, Р. Якобсон с позиций теории коммуникации описывает 6 функций, ориентированных на 6 составляющих коммуникативного акта, среди которых выделяется и ориентированная на код коммуникации метаязыковая (металингвистическая) функция (Р. Якобсон, 1966).

Помимо коммуникативных актов, референтом которых выступает реальная или вымышленная внеязыковая действительность, существуют ситуации общения, предметом которых выступает сам язык. Урок школьной грамматики, лекция и доклад на темы лингвистики, лингвистический учебник и научная статья, пояснение своей мысли и ответ на вопрос исследователя «Что означает это слово?» – все это примеры проявления металингвистической функции языка, примеры метаязыковых текстов и высказываний. Примеры метаязыковых вкраплений можно встретить в различных функциональных стилях речи, в том числе и в речи художественной.

Современный подход в исследовании художественного текста ориентирован не только на языковую ткань текста, т.е. его лингвистическое начало, но и на процесс производства текста, его восприятие, воздействие на получателя, составляющие его экстралингвистическую сущность (см.: Сидоров Е.В., 1986, 1987; Каменская О.Л., 1990; Болотнова Н.С., 1992, 1994). Исследователи отмечают особую полифункциональность художественного текста. Кроме присущих любому тексту функций информативности и коммуникативности, художественному тексту присуща особая эстетическая функция, предполагающая воздействие на адресата как красотой и целесообразностью художественной формы, так и концептуальностью содержания, способного «заражать читателя сопереживанием» [1, с.23].

Таким образом, влетаясь в ткань художественного произведения, как поэтического, так и прозаического, метаязыковые вкрапления кроме информативно-смыслового задания начинают нести ту или иную прагматическую нагрузку благодаря особому отношению к языку со стороны автора, его мастерству владения художественным словом.

– En serbe, la mort, ça se dit : smrt. Je parle sept langues, mais ce sont les Slaves qui ont su trouver le meilleur nom, le son le plus vrai, pour la chose...Smrt, en serbe, smiert, en russe, śmierć, en polonais...Vipérin, reptilesque ...Chez nous, en Occident, ce sont des sonorités assez nobles : la mort, la muerte, todt ... mais smrt... – Death, c'est assez sifflant aussi...

(R.Gary)

– Это по-сербски: *смрт*. Я говорю на семи языках и должен вам заметить, что у славян, пожалуй, самое подходящее название для этого...*Смрт* по-сербски, *смерть* по-русски, *сьмерць* по-польски...Есть в этом что-то змеиное...У нас, на Западе, совсем другие звукосочетания, более благородные, что ли: *la mort*, *la muerte*, *todt*....Но *смрт*... – В английском *death* тоже есть нечто шипящее ...

(Р. Гари. Перевод Н. Калягиной)

Итак, предметом метаязыкового высказывания выступает сам язык, явление сложное и многоаспектное. Такая многоаспектность порождает референциональное разнообразие метаязыковых высказываний. Наиболее распространенными в художественных текстах являются высказывания лексического плана, т.е. рассуждения о смысле употребляемых слов, вкрапленные в текст словарные дефиниции, пояснения значения.

Довольно часто внимание автора направлено на звуковую сторону слова. Фонетическая форма может служить речевой характеристикой персонажа, а также выступать основой для каламбура.

Интересный художественный материал может давать и обращение к грамматическому строю языка (например, рассуждение об употреблении времен, артикле), к графической форме, а также рассуждения о стилевой принадлежности слов и высказываний.

Метаязыковые высказывания могут различаться и с точки зрения прагматической нагрузки. Наиболее простые случаи представляют собой дефиниции, имеющие единственную цель – прояснить смысл употребляемого слова.

– Здешние дикари называют дуплиной большое дуплистое дерево, куда человек может втиснуться словно в ножны

(В. Гюго).

Более сложные виды через обращение к языковой форме апеллируют к языковому сознанию с целью создания сложных образов.

– *Votre générosité, conclut le vieux prêtre, en transformant en accents circoflexes tous les accents aigus de ce mot, votre générosité n'en a que plus de mérite**

(Э. Базен).

Именно такие сложные комплексы информации, с заключенными в них национально-специфическими чертами, формирующие образы и сюжетные линии, представляют определенную сложность для практикующего переводчика и вызывают особый интерес у исследователя художественного перевода.

Начиная с работ лингвистов лейпцигской школы перевода (О. Каде, Г. Егер), основным требованием, предъявляемым к переводу, становится требование сохранения инвариантной коммуникативной значимости текстов оригинала и перевода, трактуемой как инвариантный коммуникативный эффект (Г. Егер), как инвариантность функциональных доминант текста (А.Д. Швейцер), как инвариантность цели высказывания (В.Н. Комиссаров), *kommunikativer Zusammenhang* (W. Koller).

Лежащая в основе коммуникативной эквивалентности инвариантная коммуникативная значимость понимается, таким образом, как инвариантный коммуникативный эффект воздействия на своего читателя текстов оригинала и перевода.

Коммуникативный эффект и сложности его передачи при переводе метаязыковых высказываний связаны с их особым характером: они отражают отношения единиц конкретного языка, актуализуют своего рода «внутрилингвистические» значения входящих в них элементов.

Как известно, передача внутрилингвистического значения** является одной из наиболее сложных задач перевода, успех разрешения которой в большой степени зависит от характера сопоставляемых языковых систем. Внутренние связи развиваются в каждом языке по своим законам, зачастую вопреки логике, что и составляет особое своеобразие, выразительность языков. Таким образом, представляется естественным, что в большинстве случаев, когда внутрилингвистическое значение составляет функциональную доминанту высказывания, переводчику приходится жертвовать элементами содержания, коммуникативно менее значимыми. Восполнить потери помогает контекст, принимающий на себя компенсирующую, эксплицирующую функции.

* Перевод и объяснение примера см. ниже по тексту.

** Под внутрилингвистическим значением понимаются отношения знака к другому знаку: содержательные (парадигматические и синтагматические), а также формальные [3, с. 16].

Конечно, не исключены случаи совпадения у языковых единиц, образующих метаязыковое высказывание в сопоставляемых языках, наряду с другими элементами содержания и внутриязыкового значения. Это касается, в частности, контекстов с употреблением стилистических синонимов, уменьшительно-ласкательных форм. Такие примеры не составляют сложностей для переводчика.

– L'intervention énérgique de cette grand-mère, que nous n'avions pas de droit d'appeler mémé, mais qui avait le coeur de ce diminutif plébéien... – Энергичное вмешательство старухи–бабушки, которую нам не разрешалось называть «бабуся», хотя сердце ее было достойно этого плебейского ласково-уменьшительного имени...

(Э. Базен).

Сложности возникают зачастую при переводе метаязыковых высказываний, построенных на случаях актуализации отношений лексической мотивации слов оригинала***. В силу различий в словообразовательных системах языка оригинала и перевода слова, однокоренные в исходном языке, могут принадлежать к разным словообразовательным гнездам в языке принимающем. Подобные случаи требуют особого внимания к языку, творческого поиска и мастерства переводчика.

– brave homme, tres *serviable*... Quand j'entends ce mots dans la bouche d'un des nôtres, il sonne exactement comme le mots *serviette* et donne l'impression d'etre aussi facile à jeter dans le sac à linge. – ... славный человек, очень *услужливый*... Когда я слышу это слово в устах одного из представителей нашего семейства, для меня оно звучит так, как будто речь идет об испачканной *салфетке*, которую, не долго думая, бросают в грязное белье

(Э. Базен).

При переводе данного отрывка переводчик делает ставку на эксплицирующую роль контекста. Однако эффект, создаваемый сближением слов *serviable/услужливый* и *serviette/салфетка*, образованных от глагола *servir/служить*, красоту фразы и всю тонкость авторской мысли не удастся передать без авторского приема рефлексии над словом. Почему *услужливый* человек вызывает сравнение с грязной салфеткой? Может быть, с салфеткой, которая, *отслужив*, летит в корзину?

Гораздо чаще прагматическая сверхзадача переводчика связана со стремлением отразить в переводе черты оригинала, которые невозможно передать при эквивалентной передаче исходного сообщения. Это могут быть формально-структурные особенности иностранного языка, культурно-этнографические элементы, концептуально-семантические особенности построения сообщений на языке оригинала. Так, приведем пример перевода метаязыкового высказывания, основанного на анализе употребления грамматических форм предложения.

– *Je vous demande excuse*, ma mère. – La tournure est impropre, vous le savez comme moi, mais voilà bien le degré de finesse où s'aigusait notre haine Cette phrase signifiait exactement le contraire de ce qui m'était réclamé, mais comme tous le monde l'emploie couramment sans se rendre compte de *son absurdité*. – *Извиняюсь*, мама. – Такой не деликатный оборот речи, как вам известно, мало подходит для извинения, но он показывает, насколько обострилась наша ненависть. В сущности, этим выражением я совсем не приносил извинений, скорее наоборот, но ведь так говорит множество людей, не замечая своей невежливости

(Э. Базен).

В тексте оригинала обыгрывается недостаточно корректное употребление фразы – *Je vous demande excuse*, которая традиционно звучит либо как *je vous fais des excuses*, либо *je vous demande pardon*. Употребляемая «народная» форма вежливости является причудливым соединением двух указанных нормативных форм. При этом комический эффект, особая ироничность, присущая персонажу Э. Базена, создается не только за счет нарушения нормативности и грамматической формы высказывания, но и за счет

*** Подробно о переводе случаев актуализации мотивационных отношений слов см.: [2].

абсурдности порожденного смысла, который может быть трактован либо как «просить (приносить) извинения», либо как «требовать извинений».

Переводчику (Н. Немчиновой) удастся создать подобный коммуникативный эффект не только за счет подбора стилистически сниженной формы «извиняюсь», но и за счет контекстуального намека на двусмысленность глагола «извиняться», который может трактоваться (по аналогии с другими возвратными глаголами) как «извинять самого себя».

Звуковая форма слов и базирующиеся на ней фонетические сближения слов также представляют собой явления специфические, отражающие внутриязыковые связи лексических единиц. В силу неизоморфности фонетических систем языка оригинала и языка перевода перевод метаязыковых высказываний, анализирующих фонетическую сторону речи, входит в число наиболее сложных явлений переводческой практики. Переводчику неизменно приходится жертвовать элементами содержания в поисках созвучной формы языка перевода.

Полный текст следующего примера представляет собой насыщенные рассуждения о народе потерявшего былое могущество аристократа-землевладельца. Метаязыковое высказывание формируется авторской ремаркой, акцентирующей внимание на презрительно-брезгливое отношение персонажа к предмету разговора. Дополнительный стилистический эффект создается причудливым сочетанием созвучных фонетических и лексических элементов: *le peuple-peu-peuh* (народ-мало-*interj.* подумаешь!, эка невидаль!).

...*le peuple* (à prononcer du bout des lèvres comme “peu” ou meme comme “peuh!”)...

(Э. Базен).

Переводчик остается верным авторскому приему и сближает лексически несводимые, но фонетически близкие элементы языка перевода, за счет чего сохраняется коммуникативный эффект фрагмента:

– ...«народ» (слово произносится не совсем внятно – не то нарост, не то норд-ост)...

(Э. Базен).

И, наконец, о переводе метаязыковых высказываний, в основе которых лежат языковые явления, вызывающие яркие образы у носителей языка оригинала и совершенно отсутствующие в принимающем языке.

Как известно, французский язык обладает одной из наиболее разветвленных временных систем, кроме того, французский глагол имеет четыре наклонения. Глагольные времена различаются по частоте употребления, по принадлежности к определенному стилю речи. Сложность системы глагольных времен зачастую ставит в тупик даже образованных французов, а знание и употребление в речи некоторых форм может указывать на определенный социальный статус, служить речевой характеристикой говорящего. Так, в следующем примере указание на избыточное употребление крайне редкого книжного времени особого французского наклонения *subjonctif*, не имеющего аналога в русском языке, формирует иронический образ заумного, далекого от мирской суеты ученого:

– *Un léger exès d'imparfait du subjonctif, une pointe de déclamation sorbonnarde me faisaient cependant tiquer*

(Э. Базен).

Возможности русского языка в передаче данного эффекта ограничены, и в русском переводе фрагмент явно потерял свою остроту и экспрессивность:

– Некоторый избыток сослагательного наклонения и наукообразная напыщенность претили мне

(Э. Базен).

Ключевым элементом металингвистического высказывания может выступать и графическая форма слов. Интересным представляется ход, предложенный Н. Немчиновой при переводе следующего фрагмента:

– *Votre générosité, conclut le vieux prêtre, en transformant en accents circoflexes tous les accents aigus de ce mot, votre générosité n'en a que plus de merite* (Э. Базен). (Дословно: *Vаше великодушие, – заключил старый священник, превращая в accents circoflexes все accents aigus этого слова, – делает Вам честь.* – Перевод – С.В.)

В центре высказывания – графическая форма слова *générosité*, содержащая три надстрочечных знака, так называемых accents aigus. Являясь частью орфографии французского слова, надстрочечные элементы указывают также на манеру прочтения отмеченных гласных: accent aigu символизирует закрытость гласного, accent circonflexe – долготу. Таким образом, в данном примере речь идет об особой манере произношения слова с растягиванием гласных. Переводчик Н. Немчинова мастерски передает коммуникативный эффект высказывания, описывая манеру произношения контекстуально:

– Тем более делает вам честь ваша великодушная щедрость, – протянул в заключение священник, *делая в слове «великодушная» ударение на каждой гласной* (Э. Базен).

Метаязыковые высказывания в художественном тексте – явление не частое, свидетельствующее об особом писательском даре чувствовать языковую ткань как нечто реальное, видеть неотделимость языкового сознания от других аспектов личности и апеллировать к языковому сознанию с целью создания ярких самобытных образов. Именно в силу этого большинство из приведенных в статье примеров принадлежит перу известного французского мастера слова Эрве Базену. Являясь принадлежностью авторского стиля, метаязыковые высказывания требуют особого внимания и мастерства со стороны переводчика, ведь именно такие элементы лежат в основе коммуникативного эффекта художественного произведения и именно их передача делает произведение, создаваемое переводчиком, *переводом*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312 с.
2. Велединская С.Б. Интерпретация лексической мотивации в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1997. – 226 с.
3. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1961. – 192 с.
4. Bazin H. *Vipère au roing* – Э. Базен. Змея в кулаке // Э. Базен. Семья Резо. Пер. Н. Немчиновой. – М.: Амальтея, 1993. – 459 с.
5. Gary R. *Clair de femme*. – Editions Gallimard, 1977. – С.179. – Р.Гари. Свет женщины. Пер. Н. Калягиной. – СПб., 2001. – 391 с.